

Памяти Антона Павловича Чехова † 2 июля 1904 г.

Из моих воспоминаний.

На лазурном берегу, исключительно одаренной несправедливой природой, расточающей свои блага крайне неравномерно, там, где солнце греть круглый год, между Ниццей и Монако, стоит вила нашего известного ученого М. М. Ковалевского. В саду растут апельсины, жизнерадостные и веселые на своей вечнозеленой, совсем не похожие на те недозрелые, но уже мертвые фрукты, которые горами лежат в наших европейских магазинах. С бока доносится сильный запах фиалок, которые разводит русский профессор, мистический садик и которыми пропитана вся Ривьера.

Среди этого благоухания столкнулся я однажды у подъезда виллы с господином, который по близорукости не мог найти звонка и не знал, у кого спросить, дома ли М. М. Ковалевский? Мы вошли вместе и тут только познакомились я с А. П. Чеховым, который уже давно знал, как писатель, и даже оба жили одно время в Москве, но не встречались, потому что у меня постоянно было много работы и я большую часть жизни проводил в одиночном заключении. В те два месяца, что я провел в Болье, Ницце, я неоднократно виделся с Чеховым, и на так называемых русских вечерах, и у М. М. Ковалевского и во время их прогулок. В тот год съехалось в Ривьеру не мало русских писателей, и мы отдыхали, одни по болоту, другие давая кратковременный отпуск.

Антон Павлович Чехов принадлежал к тем людям, о которых французы говорят, что они выигрывают от продолжения знакомства. При первой встрече он производил впечатление. В толпе его можно было не заметить, так как лицо и фигура его не отличались чертами, сразу бросающимися в глаза. В его речи не было никакого одушевления и только изредка отрывались удачные замечания. В общем же, Чехов был молчалив, замкнул в себя и не охотно делился тем, что недавно стали называть переживаниями.

В тот год приехал из Италии в Ниццу наш старший и все еще здравствующий беллетрист П. Д. Воборыкин, которому было на 20 больше лет Чехову. И меня поразило контраст между этими писателями, одним уже очень пожилым, другим сравнительно молодым.

Воборыкин необыкновенно добрый, живой, жизнерадостный. Ему не сидится на месте, он перескакивает из Москвы в Петербург, оттуда в Ваден-Ваден, в Париж, в Рим. Он за всем следит, все хорошо видит и модную юбку и новейший аэро-

план и последнюю статую Родена. Всеми правдами и неправдами доислся он свидания с папой и картинно рассказывает нам о своем посещении Ватикана. Он жестикулирует, говорит быстро, речью его бьет ключом. Он не раскрывает каждому своей души, но внешними впечатлениями делится охотно.

Чехов, наоборот, произносит слова довольно вяло, без жестов и подчеркиваний. Только после продолжительного знакомства становится заметно, что он наблюдателен и вдумчив. Встречи с людьми и некоторые события оставляют глубокий след в его душе, но он не считает нужным сообщать поверхностные впечатления, делиться же своими глубокими чувствами он способен только с друзьями. А настоящих друзей у него очень мало, помимо ближайших родственников, почти нет.

Воборыкин охотно фотографирует жизненные картинки и находит прелесть во всякой современности. Чехов, переставший быть Антошей Чехонте, не пишет уже юмористических сценочек, не увеселяется больше и не увеселяет других и превратился в автора пессимистических рассказов. Он типичный меланхолический русский, как выразился один немецкий профессор.

По своей душевной складке и привычкам П. Д. Воборыкин настоящий европеец, чувствующий себя отнюдь не в Париже, Риме и заграничных курортах.

Чехов, как раз, наоборот, чувствовал себя отвратительно за границей. Ему нужны были русские люди и русская обстановка. Он много говорил по-французски и это очень стесняло его. Он жаловался мне, что не может писать, что вдали от русской натуры беллетрист не находит вдохновения.

Убавив из отчества, Антон Павлович старался все таки создать вокруг себя Россию. В Ницце он поселился в русском пансионе, который содержала русская дама. Там жили исключительно наши соотечественники и за табелью раздавалась только русская речь.

При этом с Антоном Павловичем произошел следующий курьез. Хотя он познакомился со всеми обитателями русской гостиницы и все знали, что он господин Чехов, фамилия беллетриста Чехова была нашим туристам мало знакома и им в голову не приходило, что они ежедневно беседуют с известным писателем. Секрет этот раскрыл им только И. Н. Потапенко, приехавший на Ривьеру гораздо позже Чехова и поселившийся в том же месте, как и он. Правда, что Антон Павлович не находился еще на апогее своей славы. Это было раньше открытия Московского художественного театра.

Вынужденной бездельностью Чехова объясняют и некоторые подробности его времяпрепровождения в Ницце. Однажды захожу к нему и застаю его погруженным вместе с Потапенкой в какие то сложные вычисления. Оказалось, что они подсчитывают, как бы выиграть в рулетку. Обложили себя бюллетенями с вышедшими номерами, которые ежедневно любезно выпускает игровой дом, и изобретают систему, по которой можно было бы безошибочно нажать состояние. Таким образом системно изображено множество, и все они на бумаге великодушны, а в действительности страдают маленьким недостатком. Как только приложит их на практике, сейчас же проиграются.

Увлечение рулеткой у Чехова прошло очень быстро и он стал опять способен к обыкновенным разговорам. А то он так был поглощен своими вычислениями, что все остальное казалось ему не интересным.

Мы, конечно, много говорили о литературе и очень часто расходились во взглядах. Мне не раз приходилось замечать, что у самих беллетристов бывает довольно странный беллетристический вкус и что чужие романы они сплошь и рядом оценивают неверно. Это, впрочем, не представляет ничего удивительного, а доказывает только ту несомненную истину, что беллетристический талант очень редко совпадает с критическим. Крупные беллетристы создают изящную литературу, но неспособны ее разбирать.

— Перечитывали ли вы Тургенев? — спросил меня однажды Чехов.

— Нет, — ответил я, — давно не имел этой возможности. Тургенев умер, когда я был студентом и с тех пор я за него не брался. Приходится следить за такой литературой и на перечитывание не достаешь времени.

— Попробуйте — настаивал Чехов, — убедитесь, что Тургенев нельзя читать в наше время.

Через несколько лет после этого я исполнил совет Чехова. Подросли мои дети и я иногда читал им вслух хорошие вещи. Я убедился, что у Тургенева действительно, есть места устаревшая манера изложения, но перечитывать его можно с удовольствием.

Другой пункт, в котором я расходился с Чеховым, это взгляд на стихотворную форму. Зашла как то речь об исторической драме, написанной пятистопным ямбом.

— Надо сначала быть маньяком, а потом писать стихами, — сказал Чехов. — Это никому не нужно и совершенно неестественно.

Он не соглашался со мной, что развращенная речь, которой не пренебрегал Пушкин

придает красоту исторической драме и является высоким слогом.

Еще одно литературное мнение, высказанное тогда же в Ницце А. П. Чеховым, показалось мне субъективным и не основательным. Он уверял меня, что теперь нельзя уже писать длинных романов, а необходимо ограничиваться короткими рассказами. Таким образом, вся беллетристика сводится к жанру, называемому за границей новеллой. Совершенно ясно, однако, что сложное психологическое содержание, в роде, например, „Преступления и наказания“, не может быть изложено на десятке страниц и сочинение, отражающее общественный быт и затрагивающее социальные вопросы, поневоле принимает форму длинного романа. Чехов считал себя, по справедливости, новеллистом и ему казалось, что сочинять романы не следует.

Мне хотелось прогнать его взгляды и я обратился с соответствующим вопросом к П. А. Воборыкину. Надо заметить, что этот последний не сочувственно относился к молодому кружку, отодвинувшему на задний план старых писателей.

— Мы всегда начинали с длинного романа, — сказал П. Д. Воборыкин, — а молодежь пишет рассказы с воробьиный нос. — За то Чехов, перворазрядный новеллист, — возразил я.

В то время, о котором я вспоминаю, А. П. Чехов не выдвинулся еще в качестве драматурга, и в этом отношении его ожидала бы совсем другая судьба, если бы он не пошел рука об руку с московским художественным театром. Первые свои пьесы он отставил Императорским театрам, но одно случайное обстоятельство заставило его на всегда отказаться от постановки своих произведений на казенной сцене. Для того, чтобы удостоиться этой чести, драма должна быть, как известно, одобрена театральным литературным комитетом.

Когда Чехов написал „Дядю Ваню“, председателем московского отделения комитета был проф. Н. И. Стороженко. Это был добродушный и очень симпатичный ученый. Он считался знатоком Шекспира и действительно, писал очень ценные исследования о „Макбете“, „Гамлете“ и т. д. Покойный Стороженко был шекспиристом и имел очень определенные, так сказать, классические взгляды на театр. Он отрицательно относился к новаторству художественного театра и даже ко многим произведениям Ибсена. Когда Художественный театр поставил пьесу Ибсена „Когда мы, мертвые, просыпаемся“, Стороженко не досидел до конца спектакля и прозвал пьесу так: „Когда мы живые засыпаем“.

„Дядю Ваню“ Стороженко решил пропустить, если автор сдѣлает маленькое и

мнение, именно устранить выстрѣлы. Почтенный профессор требовал, чтобы дѣйствіе развивалось по строго определенной логикѣ. „Дядя Ваня“, стрѣляет въ ничѣмъ не повиннаго профессора и это, по его мнѣнію, портитъ пьесу. Чеховъ же имѣлъ въ виду особаго рода логику или, если угодно, отсутствіе логики, часто встрѣчающееся въ жизни. Несчастный человѣкъ срываетъ свой гнѣвъ на томъ, кто въ его бѣдѣ нѣсколько виновнѣе. Чеховъ на замѣчаніе Стороженко обидѣлся, на измѣненіе не согласился и рѣшилъ никогда больше не имѣть дѣла съ казеннымъ театромъ. Такимъ образомъ, произошелъ скандалъ, о которомъ говорила вся Москва. Театрально-литературный комитетъ не одобрилъ пьесы Чехова, самаго талантливаго въ то время драматурга.

Проф. Стороженко никакой вины за собой не признавалъ. Мне очень интересно было выслушать его оправданіе и я зашелъ къ нему въ одно воскресенье, такъ какъ онъ въ этотъ день вообще принималъ. Добродушный П. И. Стороженко сказалъ мнѣ совсѣмъ просто:

— Такъ они о себѣ возомнили, что имъ нельзя сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія. Они, т. е., молодежь. Стороженко былъ гораздо старше Чехова, онъ привыкъ учить студентовъ и ему казалось вполне естественно потребовать поправки у молодого драматурга. Онъ забывалъ, что Антонъ Павловичъ представлялъ тогда уже крупную величину и имѣлъ полное право на оригинальность.

Можетъ быть, это взаимное непониманіе послужило Чехову на пользу, приковало его къ Художественному театру, который сталъ его вторымъ домомъ.

Тамъ и разговаривалъ я въ послѣдній разъ, съ Антономъ Павловичемъ, незадолго до перваго представленія „Вишнева сада“. Дни его были сочтены, жить ему оставалось всего 6 мѣсяцевъ и онъ имѣлъ жалкій видъ человека, которому опасно быть зимой въ Москвѣ и невыносимо сидѣть безъ дѣла и грѣться на солнцѣ въ Ялтѣ.

Послѣ того я уже не бесѣдовалъ съ нимъ, а видѣлъ его только въ качествѣ предмета поклоненія. На первомъ представленіи „Вишнева сада“ я принималъ участіе въ бурной оваціи, а затѣмъ присутствовалъ на самыхъ многочисленныхъ похоронахъ, бывшихъ при мнѣ въ Москвѣ. Когда опускали въ могилу гробъ съ останками А. П. Чехова, всѣ чувствовали тяжесть преждевременной утраты. Талантливый писатель умеръ въ самомъ расцвѣтѣ своего дарованія и, если бы судьба оказала намъ милость, Чеховъ могъ бы доставлять намъ наслажденіе своими произведеніями еще двадцать лѣтъ.

П. Безобразовъ.